Пров 4

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

PROCÈS DES OUVRIERS D'OBOUCHOW.

№ 99.

ПРОЦЕССЪ
ОБУХОВСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Изданіе Петербургскаго Комитета Росс. С.-д. Раб. Партіи.

Цѣна 5 коп.

ЖЕНЕВА.
Типографія Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.
1901.

225607

„Пров 38"
„Пров 49"

ПРОЦЕССЪ

ОБУХОВСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

СПБ. судебная палата 24—27 сентября 1901 г.

Въ концѣ сентября разыгрался эпилогъ кровавой майской драмы.

Къ прежнимъ жертвамъ прибавились новыя. Свыше 20-ти семействъ лишились надолго и, можетъ быть, навсегда своихъ работниковъ. Нѣсколько сильныхъ и смѣлыхъ людей изъято изъ обращенія. Подсудимые приговорены — Гавриловъ къ 6-лѣтней каторгѣ, Ермаковъ къ 4 годамъ каторги, одинъ къ 5, другой къ 4 годамъ арестантскихъ ротъ, остальные всѣ—совершеннолѣтніе — и изъ несовершеннолѣтнихъ одна Марфа Яковлева къ 3 годамъ, несовершеннолѣтніе же къ $1^1/_2$ годамъ тюрьмы.

Дѣло разбиралось въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Правительство и буржуазія должны были вынести безпристрастное рѣшеніе въ равноправномъ состязаніи между государственнымъ обвинителемъ (прокуроромъ) и защитниками рабочихъ. Процессъ происходилъ при необычайной обстановкѣ — при герметически закрытыхъ дверяхъ. На этотъ разъ правительство измѣнило своей новой политикѣ — выносить на улицу компрометтирующія событія и выставлять на лицезрѣніе сѣрой массы всякаго рода демонстраціи и ихъ укрощеніе, тѣмъ самымъ умаляя ихъ значеніе: это, молъ, только кучка уличныхъ бездѣльниковъ, и намъ все это нипочемъ. Что же касается рабочихъ процессовъ, то они, повидимому, вызываютъ къ жизни оставленый

было девизъ: „отечество въ опасности". Съ перваго взгляда становится ясно, что правительство пришло къ сознанію, что съ этимъ шутить не приходится.

Все такъ наз. уголовное отдѣленіе суда было оцѣплено полиціей и жандармами. Защитникамъ, прежде чѣмъ попасть на свою скамью, приходилось проходить сквозь три цѣпи и подвергнуться двойному контролю полиціи и судебныхъ приставовъ. Не пропускали даже присяжныхъ повѣренныхъ, не участвовавшихъ въ процессѣ. Въ пустой залѣ засѣданій безотлучно присутствовали полицмейстеры и жандармскіе офицеры. Двери суда были закрыты по высочайшему повелѣнію, какъ то объявилъ предсѣдательствующій. Допущено было по одному родственнику отъ каждаго подсудимаго, да и то послѣ строжайшей провѣрки документовъ, удостовѣряющихъ ихъ личность и степень родства съ подсудимыми. Допускались только жены и родители. Все это является явнымъ нарушеніемъ закона, прямо предписывающаго въ случаѣ непубличнаго и негласнаго разбирательства допущеніе *трехъ* родственниковъ подсудимаго *безъ оговорокъ о степени родства.*

Такимъ образомъ, тотъ самый судъ, который призванъ охранять дѣйствующіе законы, въ случаѣ чего можетъ ихъ нарушать подъ вліяніемъ произвольныхъ распоряженій свыше. Это, повидимому, ничуть не смущаетъ правительственныхъ государствовѣдовъ, которые такъ любятъ кичиться своей выдумкой, что Россія *правовое* государство, въ которомъ самодержавіе ограничено дѣйствующими законами. Въ сущности весь этотъ полицейско-жандармскій парадъ на рабочихъ процессахъ производитъ впечатлѣніе чего-то нелѣпаго. Неужели правительство можетъ опасаться какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны подсудимыхъ и родныхъ?.. Какъ ни законопачивай жандармами и городовыми всѣ ходы и выходы судебнаго зала, судьба участниковъ этого эпизода изъ единаго великаго процесса, будетъ извѣстна ихъ женамъ, сыновьямъ и товарищамъ по токарному станку или плавильной печи. Они найдутъ своихъ мстителей и замѣстителей. Такія жертвы никогда не останутся безплодными.

На этотъ разъ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 37 человѣкъ, изъ нихъ двѣ женщины. По разсказамъ очевидцевъ, рабочіе поражали своимъ спокойствіемъ, бодростью и выдержкой. Несмотря на то, что среди нихъ было нѣсколько человѣкъ, которыхъ невзгоды жизни ужъ отдали въ область алкоголизма, въ общемъ скамья подсудимыхъ была далека отъ картины „преступной толпы".

Глубокое, потрясающее впечатленіе производила Марфа Яковлева, съ своимъ мыслящимъ сильнымъ лбомъ и сосредоточеннымъ, горящимъ взглядомъ. Это та героическая натура, тотъ фанатическій, мощный типъ революціонерки, который такъ знакомъ Россіи. Ея интеллигентная рѣчь удивляла и волновала. Не вѣрилось, чтобы въ нечеловѣческой обстановкѣ, въ которой приходится жить русскому рабочему, люди успѣвали, вопреки всѣмъ препятствіямъ, достигать такого развитія. И думалось, что въ этомъ народѣ не мало заложено силъ, и чуялось, что капли знанія и развитія, которымъ удается просочиться въ рабочую массу, сливаются въ стихійный потокъ, напора котораго уже не удержать. Марфа Яковлева единственная, которая признала себя виновной. Она заявила и на предварительномъ слѣдствіи, и предъ судомъ, что послѣ залповъ, сдѣланныхъ полиціей въ упоръ по толпѣ рабочихъ, она подавала рабочимъ камни, которыми они изъ-за заборовъ сыпали на нападающихъ изъ дома карточной фабрики. Яковлева повиновалась своей прямолинейной, честной натурѣ. Ея сознаніе— такое душевное движеніе, которое легко понять и можно только уважать. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что сознаніе въ своемъ поступкѣ въ рабочихъ процессахъ неправильная тактика. Весь этотъ винъ-мундирный судебный сбродъ не стоитъ искренности такихъ людей, какъ М. Я. Вся эта судебная комедія та же борьба, только введенная одной изъ сторонъ въ сложныя формы судопроизводства. Единственнымъ моральнымъ принципомъ здѣсь должны быть интересы общаго дѣла. Въ неравной борьбѣ защиты обвиняемыхъ съ судомъ должны быть употреблены всѣ средства, чтобы соблюсти экономію силъ, беречь какъ можно больше людей и вернуть рабочему классу наиболѣе значительныхъ его членовъ. Гильотину „правосудія", которая обрубаетъ

русскую революцію со всѣхъ сторонъ, нужно тормозить на каждомъ шагу. Такъ или иначе прокурору приходится бороться противъ отрицанія обвиняемыхъ въ своемъ участіи, и не всегда ему удается это опровергнуть и доказать виновность тѣхъ рабочихъ, которые отрицаютъ свое участіе въ безпорядкахъ. Здѣсь важенъ принципъ борьбы. Рабочій процессъ схватка и стратегія его та же, что и всего великаго боя: дѣлать то, что цѣлесообразно и практично и не поддаваться обманчивому чувству. *)

Что касается другихъ подсудимыхъ, то любопытенъ инцидентъ Ермакова со свидѣтельницей, сидѣлицей въ казенной винной лавкѣ, Михайловой. Жалкое лимонообразное существо горячо обличало Ермакова въ пропагандѣ, въ томъ, что онъ ходилъ съ краснымъ флагомъ на Невскій проспектъ 22 апрѣля, и пр. Въ отвѣтъ на это Ермаковъ задалъ свидѣтельницѣ въ упоръ нѣсколько вопросовъ: „Г-жа Михайлова, Вы были моей невѣстой? Вы сожительствовали со мной? Вы обѣщали достать мнѣ красный флагъ?“ Свидѣтельница осталась безмолвной. Послѣ этого можно-ли еще сомнѣваться въ томъ, что полиція занимается провокаціей? Вотъ они, интеллигентные сидѣльцы казенныхъ винныхъ лавокъ, призванные отрезвлять народъ!

Подсудимый Гавриловъ,—человѣкъ что называется изъ общества: тонкое интеллигентное лицо, франтоватая бородка, аккуратный пиджакъ, чистый крахмаленный воротничекъ. Говоритъ совершенно свободно. Ни слѣда алкоголизма или безпутной жизни. Формуляръ у него для прокурора весьма пріятный: всю свою сознательную жизнь онъ провелъ съ короткими перерывами въ тюрьмѣ. Онъ исключенъ изъ 1-го класса кадетскаго корпуса, служилъ во флотѣ, судился 5 разъ военнымъ судомъ, преимущественно за оскорбленіе начальства. Славный типъ безпокойнаго русскаго человѣка. Его изобличалъ сторожъ Обуховскаго завода въ подбрасываніи прокла-

*) Печатая безъ измѣненій статью автора, редакція оставляетъ за собою право высказаться впослѣдствіи по этому вопросу.

Редакція Петерб. Комитета.

маціи. Гавриловъ отвѣтилъ цѣлой рѣчью: „Смѣшно говорить о подбрасываніи прокламацій. Эта вина можетъ казаться страшной тому, кто не бывалъ никогда на заводѣ. На нашемъ правительственномъ заводѣ прокламаціи самая обыкновенная вещь. Прокламаціи вездѣ. Прокламаціи на стѣнахъ, на станкахъ, прокламаціи на колесахъ, на ремняхъ, прокламаціи въ жерлахъ пушекъ. Прокламаціи поступаютъ ежедневно, летятъ десятками каждое утро свѣжія. Это наша газета. Сторожа выметаютъ ее цѣлыми стогами. Любому сторожу не трудно потопить въ прокламаціяхъ дюжину рабочихъ, не только меня". Судьи съ минуту сидѣли оцѣпенѣлые: картина „развращенія" рабочихъ ошеломила ихъ. Въ рабочихъ процессахъ и судьи узнаютъ кое-что новое.

Безконечный допросъ свидѣтелей, тянувшійся съ утра до вечера въ теченіе трехъ дней, съ особенной силой показалъ здѣсь, какая жалкая фикція равноправность сторонъ—прокурора и защитника въ нашемъ хваленномъ состязательномъ процессѣ. Свидѣтели обвиненія—цѣлая армія городовыхъ и жандармовъ подъ предводительствомъ приставовъ и полиціймейстера. Нижніе чины и пристава обнаружили хорошую школу. И жалко, и гнусно было смотрѣть на этихъ истукановъ съ безсмысленнымъ, тупымъ взглядомъ, упершихся въ стѣну поверхъ головы предсѣдателя, боявшихся шевельнуться и употреблявшихъ всѣ силы своего тупого ума, чтобы не сказать что-нибудь неугодное своему начальству, зорко слѣдившему за ихъ отвѣтами. Для всѣхъ этихъ чиновъ прокуроръ въ своемъ мундирѣ и въ крестахъ, за красной трибуной съ царскимъ портретомъ — страшное начальство, олицетвореніе власти. А защитники люди во фракахъ, которые сидятъ чуть-ли не на послѣдней скамейкѣ, на одной скамьѣ съ подсудимыми, къ которымъ всѣ эти городовые стоятъ спиной и отвѣчаютъ не оборачиваясь,—что имъ эти люди во фракахъ? Въ судѣ, построенномъ на началахъ равноправнаго состязанія сторонъ, обвинитель даже съ внѣшней стороны ничѣмъ не долженъ отличаться отъ защитника. Прокуроръ не долженъ запугивать свидѣтелей однимъ своимъ видомъ. Прокуроръ долженъ быть такимъ же частнымъ лицомъ, какъ

адвокатъ. Въ крайнемъ случаѣ пусть онъ будетъ выборнымъ представителемъ отъ общества наравнѣ съ присяжными засѣдателями. Привилегированное положеніе государственнаго обвинителя въ процессѣ — одно изъ яркихъ опроверженій той упорной фикціи, будто судъ нейтральная сфера общественной жизни, отрѣшенная отъ политической арены, на которой идетъ борьба общественныхъ группъ, — сфера, проникнутая однимъ отвлеченнымъ началомъ защиты личности. Въ Россіи государство далеко не совпадаетъ съ обществомъ. Въ какой другой странѣ разоблачить прокурора изъ его мундира и регалій задача столь же трудная, сколь и насущная съ точки зрѣнія революціонныхъ перспективъ?

Показанія свидѣтелей обвиненія носили столько же характеръ заученности, сколько и испуганности. Общій же смыслъ былъ тотъ, что Обуховскіе безпорядки 7-го мая выходили изъ ряда вонъ. Нижніе чины словно жаловались, разсказывая про свое позорное отступленіе подъ напоромъ рабочихъ: „камни тучей летали, стоять было невозможно". Городовые, которые нарядами врывались въ толпу, чтобы раздѣлить ее, сами въ одинъ моментъ теряли другъ друга, раскиданные толпой въ разныя стороны. Лошади жандармовъ пугались камней и криковъ, производили смѣшеніе въ отрядѣ и поворачивали тылъ. Всадники не въ состояніи были справиться со своими лошадьми, которыя уносили ихъ за версту отъ побоища. Одинъ изъ полицмейстеровъ прямо заявилъ, что за 27 лѣтъ своей службы онъ никогда не видалъ такого раздраженія со стороны толпы противъ полиціи, никогда не испытывалъ такого отчаяннаго натиска и такого упорнаго сопротивленія. Нашлись и такіе свидѣтеля, которые видѣли въ боковыхъ улицахъ баррикады изъ бочекъ и ящиковъ. Высшіе чины полиціи особенно напирали на крики, которые носились надъ толпой, вродѣ: „политическая свобода" и проч.; но прокуроръ на этомъ не особенно настаивалъ, повидимому, справедливо разсуждая, что характеръ безпорядковъ опредѣляется не этими случайными криками. Къ тому же различіе политическихъ и экономическихъ безпорядковъ для обвиненія весьма мало значитъ.

Такъ или иначе все событіе отъ начала до конца является

грознымъ потрясеніемъ существующаго порядка, его противоправительственный характеръ не нуждается въ ближайшихъ опредѣленіяхъ. Побѣда обвиненія предрѣшена заранѣе. Устраненіе должно послѣдовать во что бы то ни стало, а кто именно будетъ наказанъ и въ какія формулы облечется репрессивное движеніе,— въ сущности неважно. Поэтому явнымъ абсурдомъ было стремленіе прокурора доказать, что изъ толпы рабочихъ изъ домовъ картонной фабрики было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Какъ будто безпорядки получатъ иной смыслъ отъ того, что нѣсколько человѣкъ изъ многотысячной толпы захватили съ собой револьверы! Во всякомъ случаѣ, доказать, что рабочіе стрѣляли, не удалось. Сначала обвиненіе настаивало на томъ, что выстрѣлы раздавались изъ толпы во время схватки съ конными отрядами у шлагбаума, но эту идею пришлось оставить и даже замять о ней разговоръ, потому что стало выясняться, что стрѣляли наряды городовыхъ, смятые въ толпѣ. Обвиненіе ухватилось тогда за другую версію и продержалось на ней до конца: выстрѣлы были отнесены къ такъ называемымъ картечнымъ домамъ: ихъ штурмовала полиція, и это былъ самый жаркій пунктъ сраженія. Здѣсь рабочіе, засѣвшіе за заборами, буквально пригвоздили городовыхъ камнями къ стѣнѣ противоположнаго дома.

И вотъ тутъ-то съ обвиненіемъ и его свидѣтелями случился скандалъ. Что стрѣляли рабочіе, этого не рѣшались утверждать даже нижніе чины, за исключеніемъ двухъ или трехъ самыхъ ревностныхъ исполнителей предписаній начальства. За то вдругъ прорвалось и затѣмъ окончательно было установлено, что полиція стрѣляла прямо въ упоръ въ толпу, засѣвшую за рѣшетчатыми заборами. При этомъ высшіе чины, полицмейстеръ Полибинъ и приставъ Келинъ, припертые къ стѣнѣ вопросами защиты, утверждали, что передъ ними были сплошные досчатые заборы и стрѣляя они не видѣли, были-ли за ними люди?!! Но цѣлый рядъ нижнихъ чиновъ и администрація домовъ карточной фабрики удостовѣрили, что заборы рѣшетчатые. Полибинъ и Келинъ сидѣли тутъ же въ качествѣ допрошенныхъ свидѣтелей и были уличены во лжи въ глаза.

Другой скандалъ случился съ флотской командой, выстрѣлами которой толпа была разсѣяна и безпорядки прекращены. Выяснилось, что матросы стали стрѣлять уже на бѣгу, еще не построившись, стрѣляли въ разбродъ, не сдѣлавъ троекратнаго предложенія разойтись, да и сдѣлать это предупрежденіе было некому, такъ какъ высшіе чины уже отсутствовали. Такимъ образомъ, не была соблюдена даже та жалкая наука, какъ убивать безоружныхъ людей, которая предписана закономъ. Въ Россіи красное знамя возвѣщаетъ пока лишь кровь народа, а никого другого!

Главная работа свидѣтелей обвиненія состояла въ *опознаваніи подсудимыхъ*. Эту работу они исполняли изъ рукъ вонъ плохо. Все-таки грозное обаяніе присяги для русскаго жандарма сильнѣе, чѣмъ все его рабство и хамство. Почти всѣ свидѣтели на предложеніе прокурора узнать того-то и того-то изъ подсудимыхъ отвѣчали: „не упомню“ и растерянно обводили глазами ряды этихъ людей, которые по командѣ предсѣдателя вскакивали на ноги и показывали себя свидѣтелямъ. Гнусная церемонія! Были и такіе, которые отвѣчали запамятованіемъ и не поворачивая головы къ скамьѣ подсудимыхъ, а дѣлали это очень неохотно только послѣ понуканія предсѣдателя. Вообще рядомъ съ выдержанными продуктами россійской полицейщины тутъ были простодушные и тупые солдаты, для которыхъ вся эта исторія была, повидимому, крайне непріятнымъ воспоминаніемъ. За то были такіе, которые рапортовали, точно соловей поетъ: поетъ и себя не помнитъ. Были и такіе, которые пронзительно вглядывались въ защитниковъ, надѣясь и въ нихъ узнать внутреннихъ враговъ отечества. Какъ бы то ни было, прокурору пришлось одно за другимъ оглашать показанія у слѣдователя, свидѣтели же мычали что-то неопредѣленное, не рѣшаясь его подтвердить. Тѣмъ не менѣе обвиненіе успокаивалось и опиралось на матеріалъ предварительнаго слѣдствія. Это—*явное нарушеніе всѣхъ правилъ судопроизводства*.

Слѣдствіе на судѣ является провѣркой работы слѣдователя и получаетъ *преимущественное значеніе*. Въ сущности всѣ 37 чел. подсудимыхъ за исключеніемъ нѣсколькихъ яви-

лись *неопознанными*. Вся безсмыслица и цинизмъ суда надъ нѣсколькими „зачинщиками“ изъ толпы для того только, чтобы массовое, коллективное правонарушеніе получило свое возмездіе въ лицѣ случайныхъ козловъ отпущенія — эта логическая и моральная нелѣпость усугублялась еще тѣмъ, что изъ рукъ обвиненія уходилъ его единственный жалкій рессурсъ — опознаваніе каждаго подсудимаго однимъ свидѣтелемъ. Это не помѣшало прокурору отнестись съ полнымъ пренебреженіемъ къ свидѣтелямъ защиты, устанавливавшіе невиновность подсудимыхъ. Онъ ихъ просто игнорировалъ, повернувшись къ нимъ спиной и не отзываясь ни единымъ словомъ на ихъ показанія. Онъ былъ спокоенъ за то, что эти показанія судьями не будутъ приняты во вниманіе. Несмотря ни на что, защитѣ удалось установить весьма цѣнныя данныя: *главный составъ подсудимыхъ образовался совершенно произвольно.*

Спустя часа полтора послѣ того, какъ безпорядки на трактѣ были прекращены, полиція ворвалась въ карточные дома №№ 48 и 50 и арестовала всѣхъ мужчинъ, которыхъ нашла въ квартирахъ. При этомъ, врываясь въ дворы, городовые стрѣляли, въ квартиры вламывались, выбивали двери и выманивали мужчинъ на дворъ путемъ обмана, говоря, что они должны тамъ только расписаться.— „Такъ мой сынъ ужъ расписывается цѣлый мѣсяцъ“, говорила одна старуха-свидѣтельница...

Рѣчь прокурора была такъ же шита бѣлыми нитками, такъ же блѣдна и безцвѣтна, какъ и вся работа предварительнаго обвиненія. Она длилась не болѣе 20 минутъ. Опять-таки та же циничная увѣренность въ своей побѣдѣ: не изъза чего хлопотать, исходъ предрѣшенъ. Было сказано не мало словъ въ оправданіе дѣйствій полиціи, высшей и низшей. Это составляло особую часть рѣчи. Предсѣдатель ни разу прокурора не прервалъ. Между тѣмъ потомъ защитѣ не было позволено касаться дѣйствій полиціи, какъ вопроса, не имѣющаго отношенія къ дѣлу. Въ видѣ щедротъ отъ избытка прокурорскаго великодушія, прокуроръ отказался отъ обвиненія четырехъ подсудимыхъ. Главный же подарокъ прокурора со-

стоялъ въ томъ, что онъ отказался отъ обвиненія по ст. 269 Улож. о Наказ., какъ значилось въ обвинит. актѣ, и настаивалъ на 269 I ст. Улож. о Наказ.

Рѣчи защитниковъ, числомъ 14, труднѣйшій моментъ въ той мучительной работѣ, которую они несутъ въ рабочихъ политическихъ процессахъ. Тяжелая задача — найти балансъ (равновѣсіе) между тѣмъ, что *позволено* говорить, что *нужно* говорить въ интересахъ подсудимаго и что хочется высказать. Однако, если защитнику въ рабочемъ процессѣ нужно знать, что говорить, то еще нужнѣе — чего *не говорить*. Какъ ни замыкай судебную рѣчь въ стѣнахъ судебнаго зала, она остается актомъ публицистическаго значенія. Скамья подсудимыхъ и родственниковъ послѣднихъ — серьезная, напряженно внимательная и чуткая аудиторія. Дѣло касается ихъ слишкомъ близко, чтобы они не сумѣли быстро и вѣрно оцѣнить всякую фальшивую ноту, каждое двусмысленное слово. А слова въ защитительныхъ рѣчахъ попадаются и прямо грязные. Одинъ изъ защитниковъ по поводу своихъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, сваливая всю отвѣтственность на старшихъ и взрослыхъ, еще во время допроса свидѣтелей всячески старался установить, что во время побоищъ съ полиціей рабочіе выставляютъ впередъ мальчишекъ. Рѣчь свою онъ заключилъ легендой: „Къ восточному правителю во время его прогулокъ по стѣнѣ явились его намѣстники съ донесеніемъ, что они не въ состояніи справиться съ заговорами и бунтами, вспыхивающими постоянно въ разныхъ углахъ страны. Царь ничего не отвѣтилъ и продолжалъ гулять по тропинкѣ, сбивая своимъ посохомъ головки мака, что росли повыше другихъ. Намѣстники поняли царя, вернулись во ввѣренныя имъ области и казнили тѣхъ изъ неспокойныхъ жителей, которые были познатнѣе и постарше."

Другой защитникъ умиленно восклицалъ, простирая руки къ подсудимымъ: „Вспомните, господа судьи, безпорядки имѣли мѣсто на другой день послѣ рожденія Его Императорскаго Величества, эти люди разгулялись, расходились такъ, какъ это умѣютъ дѣлать, да простятъ они мнѣ, только мастеровые. Въ день безпорядковъ они были пьяны, но такіе же вѣрно-

подданные мастеровые, какъ наканунѣ, въ царскій день!" Разсказываютъ, что нѣкоторыхъ подсудимыхъ передернуло при этихъ словахъ. Родственники подсудимыхъ впослѣдствіи выражали свое негодованіе. Эти простые люди гораздо лучше разбираются въ вещахъ, чѣмъ это принято думать.

Такія грязныя рѣчи не должны раздаваться на рабочихъ процессахъ. Разношерстная защита всегда ими и рискуетъ. Защита должна представлять собой нѣчто единое, дѣйствовать по опредѣленному, заранѣе выработанному плану, проводить сообща установленную точку зрѣнія на все дѣло и строго держаться предварительнаго размежеванія ролей между отдѣльными защитниками. Въ нашей адвокатурѣ достаточно дѣльныхъ, талантливыхъ и приличныхъ людей, которые могли бы организоваться, спѣться и составить постоянную рабочую защиту. Бѣда въ томъ, что послѣднія высылки безъ уликъ, безъ вины, „за одно направленіе" нагнали страхъ на общество. Говорятъ, что многіе изъ старшихъ корифеевъ петербургской адвокатуры отказались принять участіе въ Обуховскомъ процессѣ, видя въ этомъ чуть-ли не самопожертвованіе, къ тому же еще безплодное. Но въ концѣ концовъ защита рабочихъ, которыхъ обвиняютъ по статьямъ Улож. о Наказаніяхъ, судятъ по Уставу Уголовн. Судопроизводства — дѣятельность вполнѣ не только легальная, но и въ каждомъ своемъ моментѣ регламентированная закономъ. Повидимому, даже буржуазнѣйшій изъ адвокатовъ, и даже именно онъ, а не кто другой, мало рискуетъ, взявшись за эти дѣла.

Какъ бы то ни было, рабочіе процессы хотя и тяжелое, но воспитательное зрѣлище. Какъ наше мѣщанство преисполнено дѣвственной вѣры „въ участокъ", такъ народъ и даже рабочая масса еще вѣритъ „въ судъ". Явное пристрастіе судей, стѣсненіе правъ защиты, произвольная свобода дѣйствій прокурора, нарушеніе судопроизводства, законовъ — слишкомъ рѣзко замѣтно даже для не вооруженнаго глаза.

С.-Петерб. Комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.
СПБ. Союзъ Борьбы за Освобожд. Рабочаго Класса.